

Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа

Ирина Петровна Новак
Светлана Викторовна Нагурная
*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. Старописьменные памятники являются важнейшим источником для изучения истории становления письменности языка, в частности карельского. В статье осуществлен лингвистический анализ карельских материалов, представленных в словаре тезаурусного типа «Сравнительные словари всех языков и народов», изданного по поручению Екатерины II в 1787–1789 гг. под редакцией П. С. Палласа.

Материалы и методы. Источником послужили карельские языковые материалы словаря. Речь идет о приведенных «по корельски» (№ 56) и «по олонцеки» (№ 57) переводах 285 понятий. Используются филологический (в том числе метод контекстуального анализа) и сравнительно-исторический (включающий приемы внешней и внутренней реконструкции) методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе анализа выяснено, что графическая система памятника точно отражает структуру и особенности южнокарельского (собственно карельского наречия) и ливвиковского консонантизма. Вокализм передан менее точно, что объясняется трудностями передачи особых карельских фонем средствами кириллической графики. Редкие именные и глагольные грамматические формы в целом совпадают с современной словоизменной системой собственно карельского и ливвиковского наречий.

Заключение. Лингвистический анализ разнодиалектного карельского материала показал, что он отличается последовательной передачей фонетической, грамматической и лексической систем карельских диалектов конца XVIII в. Не вызывает сомнения отнесение материалов «корельской» части словаря к собственно карельскому, а «олонецкой» – к ливвиковскому наречию карельского языка.

Ключевые слова: Петер Симон Паллас, карельский язык, графо-фонетическая система, лексика, морфология, фонология, лингвистический анализ

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН (тема № 121070700122-5).

Для цитирования: Новак И. П., Нагурная С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 287–300. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.

Введение

Ценнейшим и единственным из выявленных к настоящему моменту для второй половины XVIII в. источником информации по карельской диалектологии является материал из Сравнительного словаря всех языков и наречий, изданного в Санкт-Петербурге в 1787–1789 гг. под редакцией академика Петра Симона Палласа (далее – словарь Палласа). Исследователи XVIII в. осуществляли «...поиск языковых соответствий, чаще всего реализуемый при помощи составления сравнительных многоязычных словарей, когда по зара-

нее подготовленному списку собирались слова по возможности из разных языков и диалектов» [4, 41]. Результатом сопоставления лексических форм разных языков должно было стать выявление существовавшего некогда «мирового языкового универсума», объясняющего историю народов.

Словарь Палласа был издан по поручению Екатерины II. Первая его часть вышла в 1787 г. под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей

особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая»¹, вторая была опубликована в 1789 г.² Корпус словаря включает 285 слов русского языка, переведенных на 200 языков мира. Речь идет о переводе на «европейские и азиатские языки» довольно распространенных понятий, объединенных составителем в лексико-семантические группы³.

При составлении словаря были использованы ранее собранные материалы Г. Л. Х. Бакмейстера [7], однако в основном в него были включены полученные в ходе академической экспедиции 1768–1774 г. «...собственно лингвистические изыскания» П. С. Палласа [2, 28]. Экспедиционные лингвистические наблюдения академика частично вошли также в известное трехтомное издание его путевых дневников⁴, в котором, в частности, содержатся марийские, удмуртские, мансийские, мордовские языковые материалы [1; 8; 20; 21; 24, 285–286].

Разослав в 1785 г. по губерниям России программу по сбору слов и образцов различных языков, Паллас получил разнообразный лингвистический материал – «...гlossарии, анкеты, образцы переводов текстов, книги, словари» [3, 355]. Эти материалы, частично вошедшие в словарь, частично осевшие в архивах, представляют несомненный интерес для исследователей [13; 14].

Карельский языковой материал в словаре приведен в общем ряду с двумя другими прибалтийско-финскими языками – «чюхонским» и «эстландским».

Карельские соответствия представлены в словаре двумя вариантами – «по корельски» и «по олоонецки». Это дает основание предположить, что словарь зафиксировал лексику собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка.

В Предисловии к словарю в числе «финских наречий» Паллас упомянул также «варяжский» и «чудский» языки, под которыми подразумевались, очевидно, ижорский и водский [20, 217].

В 1790–1791 гг. словарь был переиздан в дополненном и исправленном виде.

В данной работе впервые производится лингвистический анализ карельской лексики, содержащейся в словаре Палласа. Таким образом, объектом исследования являются «корельские» и «олоонецкие» языковые материалы. Цель работы – определение диалектной принадлежности представленной лексики. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: осуществить анализ графо-фонетических особенностей, фонологической, морфологической и лексической систем диалектов, послуживших источниками данных для словников. Статья выполнена в русле исследований по истории карельской письменности, одно из которых было опубликовано в журнале «Финно-угорский мир» в 2022 г. [11].

Обзор литературы

Словники словаря Палласа по отдельным языкам неоднократно выступали в качестве объекта лингвистических исследований (см., например: [5; 9]).

Фонетическим, морфологическим, лексическим и синтаксическим диалектным чертам чувашского языкового материала, представленного в словаре, посвящена диссертация А. В. Савельева⁵.

Данные словаря привлечены при классификации графических систем мансийской письменности в исследовании J. Bradley и E. Skribnik [17].

Принципы фонетической интерпретации албанской лексики рассмотрены в работе Н. Л. Каминской, где проанализи-

¹ См.: Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. СПб., 1787.

² См.: Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть вторая. СПб., 1789.

³ Подробнее о структуре и истории создания словаря см.: [5].

⁴ См.: Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768–1773. Saint-Petersburg, 1771–1776.

⁵ См.: Савельев А. В. Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века: на материале Словаря Палласа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

рованы также история создания словаря и роль Г. Л. Х. Бакмейстера в разработке его концепции и правил представления лексических единиц [6].

Десять первых лексем словника на кельтских языках – валлийском, шотландском, ирландском, бретонском и корнском – исследованы в статье М. Ó Fionnáin “The Celtic languages in the Сравнительные Словари (1787–1789): an introduction” («Кельтские языки в Сравнительных словарях (1787–1789): введение») [23]. Анализ непосредственно шотландской лексики словаря представлен в его же работе “Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas’s Сравнительные Словари” («Шотландский гэльский в Сравнительных словарях Питера Саймона Палласа») [22].

Авторы работ, посвященных анализу французских и испанских языковых материалов, подчеркивают историческую ценность зафиксированной лексики [16; 25].

Словарь Палласа задокументировал лексику исчезающих или практически исчезнувших на сегодняшний день языков и их разновидностей, одной из которых является, например, курсениекское наречие латышского языка [19].

Карельские материалы анализируемого памятника до настоящего момента не подвергались подробному анализу. Имеющиеся работы (например, [10]) носят, скорее, обзорный характер.

Материалы и методы

Источником для настоящего исследования послужили карельские языковые материалы словаря Палласа, т. е. приведенные «по карельски» (под номером 56) и «по олонецки» (под номером 57) переводы 285 понятий. Предварительный анализ материала дает основание предположить, что под «карельским» языком подразумеваются данные собственно карельских диалектов карельского языка, распространенных в Северной и Средней Карелии, а также в Центральной России на территориях современных Тверской, Ленинградской и Новгородской областей.

В случае же с «олонецким» материалом речь идет о ливвиковском наречии, на котором говорили (и говорят) карелы Олонецкого перешейка (карельские территории бывшей Олонецкой губернии).

В общей сложности в «олонецкой» части словаря представлены 275 лексем, тогда как в «карельской» – 479. Такая существенная разница объясняется тем, что для каждого понятия приводится один (редко два) перевод «по олонецки», но часто по три-четыре соответствия «по карельски». В любом случае мы имеем дело с разнодиалектным памятником карельской письменности, содержащим довольно объемный материал, подробный лингвистический анализ которого позволит пролить свет на особенности собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка конца XVIII в. Подробная роспись обоих словников представлена на сайте лингвистической платформы Лингводок⁶.

В процессе исследования использовались филологический (в том числе метод контекстуального анализа) и сравнительно-исторический (включающий приемы внешней и внутренней реконструкции) методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Объем представленного в словаре Палласа карельского языкового материала позволяет произвести анализ графо-фонетической, фонологической и лексической (с определением семантических несоответствий) систем диалектов, послуживших источниками данных для словников. Материалы сравниваются с данными современных карельских диалектов (южнокарельских и тверских диалектов собственно карельского наречия и говоров ливвиковского наречия). Словарный характер данных словаря не позволяет проанализировать морфологическую систему карельских наречий конца XVIII в., однако дает возможность провести некоторые поверхностные наблюдения.

⁶ URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4976/1/perspective/4976/2/view>; <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4977/1/perspective/4977/2/view> (дата обращения: 22.08.2023).

Для передачи карельской лексики, как и для всей остальной, в словаре Палласа использованы символы кириллической графики, о чем говорится в Предисловии.

Для обозначения гласных звуков в анализируемом материале привлечены 12 графем, а также два диакритических символа: акут и циркумфлекс (табл. 1).

Довольно часто (42 употребления в «корельской» части и 31 – в «олонецкой») и практически со всеми гласными используется акут, в большинстве примеров обозначающий ударение, четко фиксированное в карельском языке на первом слоге, например: Гю́вя/Гю́вя, Ке́бие, Кю́ня, Ке́жа, Лу́ми, Ва́лда, Лу́у, Ли́га, Кю́ю́нжи/Кю́ю́нси, Ка́ула/Ка́глу, Ня́гю́/Ня́гу, Ка́зва, Вя́ги, Ве́ри. Однако в некоторых случаях (17 примеров) он встречается и в позиции ауслаута, например: Тули́, Гуваизда́, Пеллю́, Мярю́, Лэ́змю́, Отчю́. Здесь речь может идти об указании на изменение в артикуляции безударного гласного, в случае с ю́ – об указании на более узкое произнесение [y].

Циркумфлекс используется крайне редко (6 случаев в «корельской» части) и исключительно с графемой ю́, например: Лю́иввя, Лю́илу. Таким образом, очевидно, сделана попытка передать особый звук карельского языка [œ], о чем есть отметка в предисловии к словарю, но в связи с другим языком.

В целом система гласных звуков памятников «корельского» и «олонецкого» языков совпадают между собой и с современной вокалической системой карельского языка [12, 44]. Однако следует обратить внимание на явное наличие у собирателей сложностей в передаче средствами кириллицы специфических карельских переднерядных гласных фонем [y], [œ], [æ]. Так, для выражения звука [y] используется шесть вариантов передачи, причем первые два – только в «корельской» части словаря: Улягака, Кы́ммень, Луксы/Лукси, Инбя́ри, Мю́, Хю́вя/Гю́вя/Гю́вя (ср.: *ylähänä, kymmenen, uksi, umbäri, myö,*

hyvä)⁷. Фонема [œ] обозначается четырьмя способами, из которых два последних также только в «корельском» материале: Гю́, Пеллю́/Пеллю́, Бю́, Лю́илу (ср.: *hyö, röly, yö, löly*). Для передачи [æ] используются следующие четыре графемы: Тю́терЪ/Тю́терЪ, Терявя/Терявь, Мъ́чча, Вягевъ (ср.: *tytär, terävä, meččä, vägevä*), при этом две последние в «олонецкой» части не встречаются.

Выражение остальных переднерядных гласных также характеризуется наличием вариаций. Для обозначения переднерядного гласного среднего подъема [ɛ] в обеих частях словаря используются графемы е и э, например: Нелля/Нелли, Лэ́гмя/Лэ́змю́ (ср.: *nellä, lehmä*), при этом первая, в отличие от второй, указывает на мягкость предшествующего согласного. В начале слова в «олонецкой» части употребляется Э, в «карельской» – Е: Е́нне/Э́нне (ср.: *ennen/ennein*). В «корельском» материале также используются графемы ъ и я в составе дифтонгов, например: Мъ́чча, Пя́ни (ср.: *meččä, pieni*).

Обращает на себя внимание и обозначение переднерядного нелабиализованного гласного верхнего подъема [i]: Линна/Линну, Ви́ина, Иелля (ср.: *viina, linnal/linnu, iellä*). Одиночный [i] обозначен графемой и, в составе долгих гласных и дифтонгов используется *ĩ* или *i*, второй – только в «корельской» части словаря.

Как показали приведенные примеры, один и тот же гласный звук может передаваться разными графемами. При этом если в «олонецких» материалах прослеживается определенная закономерность в их использовании, то «корельская» часть словаря, изобилующая всевозможными вариантами, этим не отличается, что может указывать на наличие нескольких источников материала, записанных разными собирателями.

Для всех современных диалектов карельского языка характерно наличие долгих гласных [u:], [y:], [i:]. В тексте памятника эта особенность вокалической системы языка также нашла отражение, например: Шуу, Куужи, Пуу, Туули,

⁷ Здесь и далее в скобках для сравнения приводятся соответствия из новописьменных вариантов карельского языка.

Таблица 1. Вокалическая система памятника*

Table 1. Vowel system of the monument

Графема / Grapheme	Акустическая характеристика / Acoustic characteristic	Примеры / Examples
а	з.р. нелаб. н.п. [a]	Шада/ <i>Сата</i> , Алагана, Кала, ТайважЪ/ <i>ТайвасЪ</i>
	[*a:]	<i>Мата, Ма, Радо</i>
о	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Піалля, Ѓіань, Мъчча, Менна
	з.р. лаб. с.п. [ɔ]	Окша/ <i>Оксу</i> , Нуори, Коди, Бокко, Лоукко
	дифт. [uo]	<i>Солу, Гондесъ, ЛометЪ</i>
у	п.р. лаб. с.п. [œ] в составе дифт.	Ѓіо, Тіо, Ліовлу, <i>Бло</i>
	з.р. лаб. в.п. [u]	Кукко/ <i>Кужой</i> , Ашшу/ <i>Асту</i> , Вуози, Шуу/ <i>Су</i>
ы	п.р. лаб. в.п. [y]	Улягака, Ліовлу
	с.р. нелаб. в.п. [i]	Тыашень, Аштгыеть, Ныагла, Мыа, Тавды, <i>Култы</i>
е	п.р. лаб. в.п. [y]	Кыммень, Ыо
	п.р. нелаб. с.п. [ɛ]	Енне, Нелля/ <i>Нелли</i> , Теръвехъ/ <i>Теревехъ</i> , Кеиття/ <i>Кеите</i>
	дифт. [ie]	Ѓека, <i>Пени, Лете, МесЪ</i>
	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Тесся, Миссеонъ, Шіовъ, Кяведъ, ТіотерЪ/ <i>ТіотерЪ, Ѓергэ, Техти, Элемя</i>
ъ	п.р. лаб. с.п. [œ]	Пеллю/ <i>Пелю</i> , Няге, <i>Левлю</i>
	п.р. нелаб. с.п. [ɛ]	Ълошо, Колмъ, Мъчча
э	дифт. [ie]	<i>Ведъ, Звъръ</i>
	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Шелегъ, Вягевъ
і	п.р. нелаб. с.п. [ɛ]	<i>Энне, Элявъ, Эхто, Элемя, Лэгмя/<i>Лэгмію, Ѓергэ</i></i>
	п.р. лаб. с.п. [œ]	Ыэ
ї	п.р. лаб. в.п. [y] в сочетании с у	Іугекшанъ, Іуксы/ <i>Іукси</i> , Іулягяня
	п.р. нелаб. в.п. [i] в составе дифт.	Іелля, Іани
	первый согл. компонент сочетаний [ja], [ju]	Іялгегъ, Іувва, Іурій/ <i>Іуры</i>
і̇	п.р. нелаб. в.п. [i] в составе дифт. и долг. гл.	Віизи, Віина, Ніинъ, Кіяли, Кéбіе, Піяни, Ѓіань, Кіюндія, Пія
	п.р. лаб. в.п. [y] в составе дифт.	Міо, Тіо, Віо, Піоря, Ліовлу
и	второй компонент нисходящих дифт.	Куинъ/ <i>Куи</i> , Руисъ/ <i>Руишь</i> , Леибс/ <i>Леибю</i>
	п.р. нелаб. в.п. [i]	Реги, Линна/ <i>Линну</i> , Киви, Игя
	долг. гл. [i:]	Ѓири, Шиби
я	п.р. лаб. в.п. [y]	<i>Инбяри</i>
	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Терявя/ <i>Терявъ</i> , Пяивя/ <i>Пяиву</i> , Кярбяне/ <i>Кярбяйне</i> , Ягіе, Пія
	п.р. нелаб. с.п. [ɛ] в составе дифт.	Піяни, Кіяли, МіяжЪ
	сочетание [ja] в начале слова или после гл.	Казвая, Оя, Яреви, Ялга/ <i>Ялгу</i> , Яичу
ю / ю̇	[*æ:]	<i>Мярю, Пя</i>
	п.р. лаб. в.п. [y]	Лю̇иввя/ <i>Люввя</i> , Хювя/ <i>Ѓювя/<i>Ѓювя</i>, Кіюіонжи/<i>Кіюнси</i>, Тіоття, ТіотерЪ, Питкю</i>
	дифт. [yœ]	Шюомине
	п.р. лаб. с.п. [œ]	Лю̇илу, Піюлю
	сочетание [ju] в начале слова	Юмала/ <i>ЮмалЪ</i> , Уконью̇ру

* В таблице и далее в тексте обычным шрифтом приведены примеры из «корельской» части словаря, курсивом – из «олонецкой». Переводы примеров в тексте статьи практически не представлены, познакомиться с ними можно в росписи словников.

КіюіонжЪ, Віизи, Віина, Ніинъ. Использование графемы *и* в качестве второго компонента изначально долгого гласного [i:] указывает на его дифтонгизированную форму, что свойственно и части современных собственно карельских говоров. Наилучшим образом долгота гласных отражена в «корельском» материале, тогда как в «олонецком» чаще на месте ожида-

емого долгого гласного встречается одиночный, например: *Су, Кузи, Пу, Вижи* (ср.: *suu, kuuzi, puu, viizi*). В обеих частях недостаточно четко отмечены в некоторых лексемах и долгие [i:]: *Ѓири, Шиби* (ср.: *hiiri, šiibi*). Для части примеров также характерна дифтонгизация долгих [u:], [y:], выраженная заменой второго компонента первоначально долгого гласного графемой

е: Вуввать, Иувва, Люввя, Сióввя (ср.: *vui-vet, juuva, luvvā, suuvā*).

Следует также обратить внимание на более точную, но все же недостаточно полную передачу дифтонгов в «корельском» материале в сравнении с «олонецким».

В тексте памятника одинаково хорошо представлены нисходящие дифтонги, вторым компонентом которых выступает графема *и* или *й*, например: Ваигтя, Наине/Наина, Коира/Коуру, Руись/Руишь, Леибле/Леибю, Айга/Айгу, Майдо/Майда, Гейня, Рускей. В «корельской» части словаря в позиции перед суффиксом *-ne* (*-ze- < *-ise-*) отмечена возможность как сохранения нисходящего дифтонга, так и его выпадения (чаще), например: Кярбйине/Кярбяне, Шулагане, Гебоне. В «олонецком» же материале в подобных случаях представлен дифтонг, например: Гебоине, Кярбйине, Мадоине.

В нисходящих дифтонгах с лабиализованным гласным в качестве второго компонента прослеживается преобразование неслогового [u] в полугласный [w], например: Гавда/Гавду, Тавды, Лоукко/Ловко, Левлю (ср.: *hauda, taudi, loukko, löyly*).

Восходящие дифтонги в анализируемых материалах памятника представлены в значительно меньшем количестве, чем нисходящие, и главным образом в «корельском» словнике:

– дифтонги [ua]/[ia], [iæ]/[eæ] встречаются исключительно в «корельском» материале, например: Нуаглане/Ныагла, Руадо, Муа/Мыа, Пíалля, Пíя, Иани/Еани. В «олонецком» языке на их месте фиксируется одиночный гласный: *Нáгу, Радо, Мата, Ма, Пелль, Пя*;

– дифтонги [uo]/[yø] кроме «корельской» части словаря присутствуют также в «олонецкой», но в незначительном объеме, например: Шуола, Нуори, Вуози, Вíо/Выо, Гíо, Тíо, Пíоря, Лíовлу. При этом в обеих частях словаря зафиксированы случаи отсутствия ожидаемого дифтонга, например: Гугалъматъ/Ненагоабеметъ, Шюмине, Солу, Нури, Левлю (ср.: *nenähuogamet, šyömine, suolu, nuori, lyöly*);

– на месте дифтонга [ie], обнаруживаемого в «корельском» материале: Пíени,

Рушкíе, Иелля, при Келли, Гэка (ср. *kieli, hiekkä*), в «олонецком» встречается либо одиночный гласный: *Пени, Месъ, Кели* (ср.: *pieni, mies, hiekkä*), либо ять: *Ведъ, Звъри*.

Выявленная в текстах обоих словарей тенденция передачи восходящих дифтонгов карельского языка одиночными гласными, наиболее последовательно проявляющаяся в «олонецком» материале, в целом укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык [15, 254].

В собственно карельском материале словаря прослеживается некоторая тенденция к дальнейшему расширению дифтонгов, например: Шуола, Вуажи, Вяя, Пíяни, Ялля, Кíяли (ср.: *šuola, vuoži, vuö, pieni, iellä, kieli*), что, с одной стороны, может указывать на особенности русского усвоения, а с другой – на диалектную особенность, присущую части современных говоров карельского языка.

Характерная для карельской фонетики гармония гласных, заключающаяся в одновременном использовании в слове гласных только переднего или только заднего ряда (за исключением гласных [i], [e]), в словаре Палласа представлена довольно последовательно, например: Шулагане, Инегмине, Кíогкине, Терявя, *Шумитакъ, Кíоньябрякъ, Питкíю*. Редкие случаи несоблюдения сингармонизма встречаются в безударных слогах (Пуйня, Кежа, Менна, Лю́илу, Лíовлу, *Мида*) или объясняются отсутствием специальных символов для выражения отдельных переднерядных фонем (Лулягяня, Улягака, Мíо).

Для отображения консонантизма карельского языка в тексте памятника используется 21 графема (табл. 2).

Из приведенных графем практически все встречаются в позиции начала слова (за исключением *й, ж*). Единоразы в позднем заимствовании из русского языка используется *щ* (*Щокатъ*), а также *ц* (*Царьви*), очевидно ошибочно указанный на месте ожидаемого шумного щелевого небно-зубного согласного (ср.: *šarvi*). В позиции середины слова также фиксируются почти все согласные (кроме *щ* и *ц*).

В аудировании в обоих словарях употребляются согласные *т, д, г, х, л, н, р, в, с,*

Таблица 2. Консонантная система памятника

Table 2. Consonant system of the monument

Графема / Grapheme	Акустическая характеристика / Acoustic characteristic	Примеры / Examples
б	шумн. см. зв. г.-г. [b]	Бокко, <i>Боба</i> , Кéбiе/ <i>Кебгей</i> , Леибe/ <i>Леибю</i>
в	шумн. щел. г.-з. [v]	Киви, Вiизи/ <i>Вижи</i> , Ванга/ <i>Вангу</i> , Кирвежь/ <i>Кирвясъ</i> , ТайважЪ/ <i>ТайвасЪ</i>
	полугласный [w]	Гавда/ <i>Гавду</i> , Лю`иввя/ <i>Люввя</i> , Гува
г	шумн. щел. горт. [h]	Гейня, Гавда/ <i>Гавду</i> , Гю́вя, Пага, Ванга/ <i>Вангу</i> , Тервегъ
	шумн. см. зв. з.-яз. [g]	Гора, Коргiе/ <i>Коргей</i> , Реги/ <i>Реге</i> , Ныагла/ <i>Нáгу</i>
г	шумн. щел. горт. [h]	Генги, Гю́вя, Гири, ГаммасЪ, Гегээ, Туггадь/ <i>ТугатЪ</i> , Лэгмя/ <i>Лэгмю</i>
д	шумн. см. зв. з. [d]	<i>Дубу</i> , Шада, Коди, Линду, Парда/ <i>Парду</i> , Ню́дь, Кяведь
ж	шумн. щел. зв. н.-з. [ʒ]	Куужи, <i>Вижи</i> , Кежа, <i>Кажи</i> , Туаражь, Кирвежь
з	шумн. щел. зв. з. [z]	Зви́ри, <i>Зеленеине</i> , СизярЪ/ <i>СизарЪ</i> , Кязи, Вези, Озра/ <i>Озру</i>
й	шумн. щел. с.-яз. [j]	Айга/ <i>Айгу</i> , Пойга, Майдо/ <i>Майда</i> , Рускей, <i>Кукой</i> ; Пыадй, Гобйй, Гардйй
к	шумн. см. гл. з.-яз. [k]	Какши/ <i>Какси</i> , Кежа/ <i>Кеза</i> , Кирвежь/ <i>Кирвясъ</i> , Лайска/ <i>Лаишу</i> , Окша/ <i>Оксу</i> , Нахка/ <i>Нахку</i> , Тукка/ <i>Тукку</i>
л	сон. щел. з. [l]	Лаппи/ <i>Ланси</i> , Лю`илу/ <i>Лювлу</i> / <i>Левлю</i> , Вилу, Шильмя/ <i>Сильмя</i> / <i>Силмю</i> , Гилляхъ/ <i>Гилляхъ</i> , Велли, ЮмалЪ
м	сон. см. г.-г. [m]	Майдо/ <i>Майда</i> , Муамо/ <i>Мамо</i> , Шорми/ <i>СорметЪ</i> , Лямминь, <i>ГаммасЪ</i> , Кыммень/ <i>Кюммене</i>
н	сон. см. з. [n]	Нея, Нахка/ <i>Нахку</i> , Ранда/ <i>Ранду</i> , Линна/ <i>Линну</i> , Анна, Лямминь, <i>Говень</i>
п	шумн. см. гл. г.-г. [p]	Пага, Пелдо/ <i>Пеллотъ</i> , Пойга, Лаппи/ <i>Ланси</i>
р	сон. др. н.-з. [r]	Рускiе/ <i>Рускей</i> , Реду, <i>Реге</i> , Коира/ <i>Коиру</i> , Кагра/ <i>Кагру</i> , ТiотерЪ
с	шумн. щел. гл. з. [s]	СизярЪ/ <i>Сусере</i> / <i>СизарЪ</i> , Селгю́, Сильмя, Гуксы/ <i>Гукси</i> , КивистявьЪ, Ойгеусъ, Руисъ, <i>МесЪ</i> , <i>ГаммасЪ</i>
т	шумн. см. гл. з. [t]	ТiотерЪ, Туггадь/ <i>ТугатЪ</i> , Тягги/ <i>Техти</i> , Питке/ <i>Питкю́</i> , КулматЪ/ <i>КульматЪ</i>
		Отча/ <i>Отчю́</i> , Вагча/ <i>Ватчю́</i> , Метчу, <i>Путчи</i>
х	шумн. щел. горт. [h]	Хю́вя, Хярья, Хайзю, ХаммашЪ, Лехмя, Нахка/ <i>Нахку</i> , <i>Эхтю́</i> , Гилляхъ, <i>Венехъ</i>
ц	шумн. см. з. [ts]	Царьви
ч	шумн. см. н.-з. [tʃ]	Чикко, <i>Чома</i> , Яичу, Шуачень/ <i>Суваичень</i> , Вачча, Мфчча
ш	шумн. щел. гл. н.-з. [ʃ]	Шильмя, Шельгя, Окша, Лаппи, Тяшьша, <i>Лаишу</i> , ХаммашЪ, Ойнашь, <i>Руишь</i>
щ	шумн. см. н.-з. [ʃ]	ЩокагЪ

ш, а в «корельской» части также ж, за которыми везде проставлены символы ъ или ь. В употреблении последних на конце слова отсутствует системность, объясняемая, вероятно, ошибками в процессе набора: в начале словаря используется ер, однако с середины первой части везде встречается ерь, хотя говорить о мягкости согласных в данных случаях не приходится, например: МiяжЪ/*МесЪ*, РаважЪ/*РагвасЪ*, КулматЪ/*КульматЪ*, ШорметЪ/*СорметЪ*, СуивянЪ, *ШумитахЪ*, КивистявьЪ, Херратъ, Руагъ, Кяведь, Лямминь, Шейвяжь/*Сейвясъ*, *Гондесъ*, *Левиахъ*, *Пеллотъ*, *Руишь*, *Терявь*.

В середине слова ерь употребляется для обозначения мягкости согласных, на-

пример: Шильмя/*Сильмя*, Шельгя, Генгги, Питеньдя, Мисья, Тяшьша, *Царьви*, а также в разделительной функции в позиции перед йотированными гласными: Хярья, *Гобью*.

Следует обратить внимание на отсутствие закономерностей в употреблении графем ʒ, z, x. В собственно карельском и ливвиковском материалах графема z используется для выражения шумных щелевого гортанного [h] и смычного заднеязычного звонкого [g] в любой позиции слова. Кроме того, шумный щелевой гортанный [h] обозначается также графемами ʒ и x, например: Хю́вя/*Гю́вя*/*Гю́вя*, Лехмя/*Лэгмя*/*Лэгмю́*, с той лишь разницей, что в анлаутной позиции X

встречается исключительно в «корельских» материалах. Все же отмечается попытка соблюдать следующие принципы: в середине слова *x* употребляется чаще в глухом фонетическом окружении, тогда как *z* или *ẓ* – в звонком, в ауслатной позиции преимущественно используется *x*. Представленные в тексте несоответствия могут являться следствием допущенных в процессе набора опечаток, а в «корельской» части также отражать различные источники записи.

В анализируемом материале обращает на себя внимание отчетливо выраженное противопоставление свистящих и шипящих щелевых в «корельском» языковом материале, например: Сильмя/Шильмя, Шуу/Су, Шави/Сави, Сейвясь/Шейвяжь, Сёля/Шёля, Шарьви/Сарви, тогда как в «олонецком» в этих лексемах всегда используется свистящий согласный. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных относится языковедами к одному их важнейших маркеров карельской диалектной речи. Представительство явления варьируется не только на уровне карельских наречий, но и на уровне диалектов. Обнаруженное в «корельской» части противопоставление, таким образом, опять же указывает на разнодиалектный источник ее материала.

Анализируемые словники изобилуют двучленными сочетаниями согласных, например: Кулда/Кулду, Луксы/Лукси, Вигму, Рушкiе/Рускей. Также для них характерна и довольно адекватная система передачи геминированных согласных: Тукка/Тукку, Латте/Латти, Хаммашь/Гаммась, Велли, Херрать, Анна, Ашшу, Мисься. Удвоенная аффриката [tʃ] передается двумя способами: Отча/Отчю, Вачча/Ватча/Ватчю, Мъчча, при этом оба способа представлены только в собственно карельской части словаря. В некоторых лексемах на месте ожидаемых удвоенных согласных использованы одиночные, например: Кюнеть, Ловко, Лайсушь (ср.: *kynnet, loukko, laissuš*).

Отдельные неточности, обнаруженные в карельских материалах словаря, объясняются неадекватностью передачи ряда фонем средствами кириллицы, а также

наличием ошибок набора или опечаток в обеих частях: Таиго, Капа, Хярря, Югри, Бууда, Корчiе, Кегя, Храменежь, Имендя, Малдо, Пови, Кумматъ (ср.: *tanhuo, kana, juuri, čuuda, kezä, huomenež, itendä, maida, polvi, kulmat*); Кебзей, На'зу, Царьви (ср.: *kebei, nuaglu, sarvi*). Понятие «зелень» передается в собственно карельском словнике как Бигайда, однако далее понятие «зелено» уже набрано правильно как Виганда (ср.: *vihanda*).

Фонологическая система

Важнейшую особенность фонологической системы карельского языка составляют чередования гласных и согласных фонем, проявляющиеся в процессе словоизменения и словообразования. Поскольку формат словаря предполагает главным образом фиксацию начальных форм слова, примеров чередования конечных гласных основы удалось обнаружить очень мало. Речь идет об изменениях, наблюдающихся при противопоставлении гласных основ и форм номинатива единственного числа имен, например: Шорметъ : Шорми, Кюнетъ : Кююнжи, Кюнетъ : Кююнси, Легеть/Лехтеть : Легти, а в ливвиковском наречии еще и Тукатъ : Тукку; в результате присоединения показателя *-i-* в словоизменительной основе слова, например: Шуанда : Шай, Куленда : Куулитъ; а также об изменении заударных гласных компонентов имен как следствии стяжения гласных, например: Лалама : Лавлуа.

Примеров, демонстрирующих наличие в диалектах-источниках качественного и количественного видов альтернативы согласных, в имеющемся материале представлено достаточно для того, чтобы сделать вывод о его широком распространении в языке в анализируемый период. Чередование ступеней согласных показывают начальные формы двусловных имен и глаголов, формы номинатива множественного числа имен и лично-числовые формы глаголов.

Количественное чередование согласных распространяется на удвоенные смычно-взрывные и аффрикату, приводя к их сокращению, например: Тукка :

ТукатЪ, КачотЪ (ср.: *kašćuo* 'смотреть'), Нїитумъ (ср.: *niittu* 'луг'), Пейтя (ср.: *peittiä* 'накрывать, прятать').

Качественная альтернатива заключается в выпадении или замене другими согласными смычно-взрывных интервокальных или постконсонантных согласных последнего слога основы слова, например: Няге : НїавїотЪ, Нягенда : НяетЪ, ХаммашЪ/ГаммасЪ (ср.: *hambahat* 'зубы'), Кїюїонжи : Кїюнетъ, Кїюнси : КїюнетЪ, ИтъкїятягЪ : Имендя (очевидно, должно быть Итендя), Кашьшуить (ср.: *kaštuo* 'мокнуть'), Вуажї/Вуози : Вуввать, Питке : Питеньдя, Сейвьясь/Шейвяжь (ср.: *šeiähät* 'колья'), Виганда : Виганнотъ, Пелдо : Пеллотъ, Ламмасъ (ср.: *lambahat* 'овцы'), Линду : Линнуть, Лайска : Лайсушь, Аштуо : Ашшу, Легти : Легеть/Лехтеть. Последний пример демонстрирует характерное для ливвиковского наречия отсутствие качественного вида альтернативы смычно-взрывных, выступающих в глухом фонетическом окружении.

Морфологическая система

Формат словника предоставляет очень скромный материал для анализа морфологической системы языка. Систему именного словоизменения составляют главным образом формы номинатива единственного числа. Множественное число номинатива образуется при помощи показателя *-тъ/-ть*: ИнегмизетЪ, КулматЪ/КульматЪ, ШорметЪ/СорметЪ, Выалуть/Валуть. В ряде примеров наблюдается несоответствие между категорией числа существительных в русском и карельских языках: понятия «волна», «волос», «плечо», «зелень», «лист» и др. переводятся формами множественного числа Выалуть/Валуть, ТукатЪ, ГардетЪ, Виганнотъ, Легеть/Лехтеть, а для понятий «ногти», «щеки», «пальцы», наоборот, приводятся формы единственного числа Кїюїонжи/Кїюнси, Няге, Шорми.

В тексте словников встречаются редкие падежные формы (в том числе застывшие в виде послелогов и наречий), позволяющие получить поверхностное

представление об используемых для их образования показателях:

- партитив: Мидя/Муда, Вирта-Лалама (букв.: 'песню петь');
- иллатив: Ялгегъ;
- инессив: Ёлошо (букв.: 'в живых'), Миссеонъ, Мисься/Миссо, Куссолотъ/Кусъ, Тесся/Тесь, Тяшьша;
- адессив: Милля, Пїалля/Пелль, Іелля/Іялля;
- аллатив: Силмиле (букв.: 'в глаза'), Геилля, Генель;
- абессив: Гьянеття (букв.: 'без него');
- комитатив: Минкера/Минкера (букв.: 'с чем'), Кененкера/Каненкера (букв.: 'с кем').

Имеющиеся примеры обнаруживают в «олонецком» материале сокращенные показатели местных падежей инессива, адессива и аллатива, характерные и для современных ливвиковских говоров.

Дополнительный материал для анализа глагольной словоизменительной системы, кроме перевода 20 глаголов во второй части словаря, дает перевод различными глагольными формами абстрактных существительных из его первой части.

Неопределенная форма глагола представлена I инфинитивом, обнаруживающим различные глагольные словоизменительные типы, например:

- Няїя;
- Шуїувва/Сюввя, Іувва, Люїиввя/Люввя;
- Лавлуа, Паятта, Оттуа/Отта, Кандоа/Канда, Каттоа/Катта, Кїюндїя;
- Ведїу/Ведъ;
- Лашкичїей (рефлексивный глагол);
- Муата/Мата, Лейката.

В «корельской» части словаря встречается также несколько примеров III инфинитива: Радама, Вирта-Лалама (букв.: 'песню петь').

Финитные формы в словниках представлены следующим образом:

- индикативные формы презенса: 1 л. ед. ч.: СобенЪ (букв.: 'я лажу'), Шуачень/Суваичень (букв.: 'я люблю'), Кажвань (букв.: 'я расту'); 2 л. ед. ч.: НяетЪ (букв.: 'ты видишь'), КачотЪ (букв.: 'ты смотришь'), НьюхачетЪ (букв.: 'ты нюхаешь'), КабуатЪ (букв.:

‘ты обнимаешь’), ПакижетЪ (букв.: ‘ты говоришь’); 3 л. ед. ч.: Мидакулу (букв.: ‘что слышно’), КивистявЪ (букв.: ‘болит’), Онь/Онь (букв.: ‘он есть’); 3 л. мн. ч.: ШумитахЪ (букв.: ‘они шумят’), ИтъкятягЪ (букв.: ‘они плачут’);

– индикативные формы имперфекта: 2 л. ед. ч.: КуулитЪ (букв.: ‘ты слышал’), Кашьшуйтъ (букв.: ‘ты намок’), Куалить (букв.: ‘ты умер’); 3 л. ед. ч.: Шай (букв.: ‘она родила’); 3 л. мн. ч.: Култы (букв.: ‘они слышали’);

– императивные формы: 2 л. ед. ч.: Пагигже (букв.: ‘говори’), Анна (букв.: ‘дай’), Шейзó/Сеижó (букв.: ‘стой’), Ашшу (букв.: ‘иди, шагай’), Пейтя (букв.: ‘накрой, спрячь’).

Лексическая система

В большинстве случаев стоит отметить точное семантическое соответствие между русскими лексемами и их переводом на наречия карельского языка. Некоторые отклонения связаны с переводом отличными грамматическими формами, описанными выше.

Наибольший интерес представляют семантические расхождения, допущенные в процессе сбора материала. Речь идет о приеме описательного перевода существительных, не имеющих предметного значения, глагольными формами. Например, понятие «слово» переведено глагольными формами ПакижетЪ/Пагигже, что означает ‘ты говоришь’/‘говори’. Для передачи понятия «слух» наряду с отглагольным именем Куленда, образованным при помощи словообразовательного суффикса *-нда* и обозначающим процесс слушания, используются формы КуулитЪ (букв.: ‘ты слышал’), Мидакулу (букв.: ‘что слышно’), Култы (букв.: ‘они слышали’). Аналогичным образом передано понятие «зрение»: Нягенда, НягЪ (букв.: ‘ты видишь’), Миданяги-Силмиле (букв.: ‘что видел глазами’), КачотЪ (букв.: ‘ты смотришь’). Для передачи понятия «лад» наряду с другими вариантами перевода использовано словосочетание Гювякаики (букв.: ‘хорошо все’),

для понятия «луч» – Истыпйявя (букв.: ‘село солнце’), «буря» – Пагашя (букв.: ‘плохая погода’).

Имеется и некоторое число явных ошибок перевода, очевидно, вызванных отсутствием полного взаимопонимания между собирателем и носителем языка. Например, предлог «под» переведен лексемой Пыадйй ‘под в печи’, понятие «красиво» – лексемой Кежа ‘лето’, «воздух» – Лямминь ‘теплый’, «песок» – Тугка ‘зола’, «мочь» – Кашьшуйтъ ‘ты намок’, «перо» (птицы) – Кю’ня ‘перо для письма’, «судно» – Аштыеть ‘посуда’, «дух» – Хайзю ‘запах’, «имя» – Иивана ‘Иван’, «голос» – ТукамЪ ‘волосы’.

Переводы продемонстрировали словообразовательный потенциал карельского языка, в частности возможности суффиксального словообразования. Например, слово «брань» переведено «по корельски» как Гавкунда, «по олонецки» – Чакканду⁸.

Заключение

Лингвистический анализ разнодиалектного карельского материала словаря Палласа показал, что, несмотря на наличие некоторых неточностей, опечаток и ошибок, он отличается последовательной передачей фонетической, грамматической и лексической систем карельских диалектов конца XVIII в., в связи с чем является ценнейшим источником для изучения истории карельского языка и его диалектологии.

Графическая система памятника довольно точно отражает структуру и особенности южнокарельского (собственно карельского наречия) и ливвиковского консонантизма. Вокализм же передан менее точно, что объясняется главным образом трудностями передачи особых карельских фонем средствами кириллической графики. Представленные в словниках редкие именные и глагольные грамматические формы в целом совпадают с современной словоизменительной системой собственно карельского и ливвиковского наречий.

⁸ Карельский суффикс *-нда* (*-нду*) является одним из наиболее продуктивных суффиксов в процессах словообразования.

Не вызывает сомнения отнесение материалов «корельской» части словаря к собственно карельскому, а «олонецкой» – к ливвиковскому наречию карельского языка. Сравнение данных памятника с материалами современных карельских диалектов позволило установить разнодиалектный характер источника «корельско-

го» словника. Наличие ярких диалектных маркеров, выявленных в процессе лингвистического анализа материалов, при более детальном изучении на следующем этапе исследования позволит решить вопрос о более точной географической локализации говоров карельского языка, нашедших отражение в словаре Палласа.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>в.п.</i> –	верхнего подъема	<i>лаб.</i> –	лабиализованный
<i>г.-г.</i> –	губно-губной	<i>мн. ч.</i> –	множественное число
<i>г.-з.</i> –	губно-зубной	<i>н.-з.</i> –	небно-зубной
<i>гл.</i> –	глухой	<i>н.п.</i> –	нижнего подъема
<i>горт.</i> –	гортанный	<i>нелаб.</i> –	нелабиализованный
<i>дифт.</i> –	дифтонг	<i>п.р.</i> –	переднего ряда
<i>долг. гл.</i> –	долгий гласный	<i>с.п.</i> –	среднего подъема
<i>др.</i> –	дрожащий	<i>с.р.</i> –	среднего ряда
<i>ед. ч.</i> –	единственное число	<i>с.-яз.</i> –	среднеязычный
<i>з.</i> –	зубной	<i>см.</i> –	смычный
<i>з.р.</i> –	заднего ряда	<i>согл.</i> –	согласный
<i>з.-яз.</i> –	заднеязычный	<i>сон.</i> –	сонорный
<i>зв.</i> –	звонкий	<i>шумн.</i> –	шумный
<i>л.</i> –	лицо	<i>щел.</i> –	щелевой

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абайдулова А. Г., Салмин А. К. Причеремшанский дневник экспедиции П. С. Палласа // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 3. С. 592–604. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F105206026/160_3_gum_5.pdf (дата обращения: 12.07.2022).
2. Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции Императорской Петербургской академии наук в Сибирь в XVIII–XIX вв.: вклад в становление отечественного языкознания в области языков сибирских народов // Ученые записки Санкт-Петербургского академического университета. 2016. Вып. 1. С. 23–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25900889> (дата обращения: 12.07.2022).
3. Волошина О. А. «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 354–361. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=5357> (дата обращения: 12.07.2022).
4. Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России: (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2006. 323 с.
5. Казанскене В. П. Материалы балтийских языков в словаре Петра Симона Палласа // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII: материалы чтений, посвящ. памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2013. С. 368–383.
6. Каминская Н. Л. Албанский материал в «Словаре» Петра Симона Палласа: особенности передачи фонетики // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. № 3. С. 83–91. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_3.pdf (дата обращения: 12.07.2022).
7. Клубкова Т. В. Первый российский лингвистический опросник // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9, № 1. С. 181–188. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-181-188.
8. Кравец Т. В. Вклад немецких путешественников в изучение языков малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 1. С. 53–62. DOI: 10.14529/ling210109.

9. Мищенко К. О. Рефлексы пражвенкийского *s в говорах эвенкийского языка во второй половине XVIII в. // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2. С. 31–57. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-37-2-31-57.
10. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 65–77.
11. Новак И. П., Нагурная С. В. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 20–32. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
12. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
13. Норманская Ю. В. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3. С. 71–80.
14. Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
15. Савельева Н., Муллонен И., Федюнова Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // Linguistica Uralica. 2021. Т. 57, № 4. С. 250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
16. Bochnakowa A. Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta (...), 1787–1789 // Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis. 2013. Vol. 130. P. 41–50. DOI: 10.4467/20834624SL.13.002.1133.
17. Bradley J., Skribnik E. The many writing systems of Mansi: challenges in transcription and transliteration // Multilingual Facilitation. Helsinki, 2021. P. 12–24.
18. Inkerikot, setot ja vatjalaiset. Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet / toim. K. Kallio, R. Grunthal, L. Saressalo. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 2021. 504 s. DOI: 10.21435/skst.1467.
19. Ivanickaja A. XVIII a. kuršininkų kalbos žodžių rankraštinių registras // Res Humanitariae. 2017. Vol. 21. P. 12–42. DOI: 10.15181/rh.v21i0.1521.
20. Maticsák S. Die mordwinische Sammlung aus der Orenburg-Expedition von Pallas (1768–1774) // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2021. Vol. 45. P. 53–86. URL: <https://buske-elibrary.de/media/upload/leseprobe/9783967691726.pdf> (accessed 12.07.2022).
21. Maticsák S. The first period of mordvin lexicography: 17–18th century glossaries and dictionaries // Linguistica Uralica. 2013. Vol. 49, no. 4. P. 292–305. DOI: 10.3176/lu.2013.4.03.
22. Ó Fionnáin M. Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas's Сравнительные Словари // Anglica. 2020. Vol. 29, no. 3. P. 113–123. URL: <https://anglica-journal.com/resources/html/article/details?id=207771> (дата обращения: 12.07.2022).
23. Ó Fionnáin M. The Celtic languages in the Сравнительные словари (1787–1789): an introduction // Roczniki Humanistyczne. 2021. Т. 69, zeszyt 11. P. 171–187. URL: <https://ojs.tnkul.pl/index.php/rh/article/view/16369/15638> (дата обращения: 12.07.2022).
24. Salminen T. M. A. Castrén ja hantit // Ёмас сымьың нёкве вёртур ётпост самың патум: Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg. Tampere, 2020. S. 284–296. DOI: 10.33341/sus.11.22.
25. Stala E. Los diccionarios de P. S. Pallas y Ph. A. Nennich. Hallazgos y enigmas // Studia iberystyczne. 2017. No. 16. P. 169–181. DOI: 10.12797/SI.16.2017.16.10.

Поступила 14.07.2022; одобрена 15.08.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. П. Новак – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

С. В. Нагурная – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, kov@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-8045>

Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas's dictionary

Irina P. Novak
Svetlana V. Nagurnaya

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. Old written monuments are the most important source for studying the history of the development of written language, especially in the case of Karelian. This article provides a linguistic analysis of Karelian materials presented in the thesaurus-type dictionary "Comparative Dictionaries of All Languages and Peoples", published on behalf of Catherine II from 1787 to 1789, under the editorship of P. S. Pallas.

Materials and Methods. The source of this study comprised Karelian language materials from the dictionary. The research centers on translations of 285 concepts categorized as "in Karelian" (No. 56) and "in Olonets" (No. 57). Methodologically, the research leverages philological techniques, including contextual analysis, as well as comparative-historical methods encompassing both external and internal reconstruction approaches.

Results and Discussion. The analysis reveals that the graphic system of the monument effectively mirrors the structural and phonetic characteristics of Southern Karelian (proper Karelian dialect) and Livvik consonantism. However, the representation of vowel sounds exhibits certain limitations, primarily stemming from the inherent complexities in conveying distinct Karelian phonemes through the medium of Cyrillic script. Infrequent nominal and verbal grammatical forms broadly align with the contemporary inflectional systems observed in proper Karelian and Livvik dialects.

Conclusion. The linguistic analysis of multi-dialectal Karelian materials consistently portrays the phonetic, grammatical, and lexical systems of Karelian dialects as they existed in the late XVIII century. This analysis confidently associates the materials from the "Korelian" section of the dictionary with proper Karelian, while materials from the "Olonets" section are attributed to the Livvik dialect of the Karelian language.

Keywords: Peter Simon Pallas, Karelian language, grapho-phonetic system, vocabulary, morphology, phonology, linguistic analysis

Acknowledgments: This publication has been prepared as part of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Theme No. 121070700122-5).

For citation: Novak IP, Nagurnaya SV. Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas's dictionary. *Finnougrorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:287–300. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.

REFERENCES

1. Abaydulova AG, Salmin AK. P. S. Pallas's diary from the expedition to the Cheremshan river basin. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 2018;3:592–604. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F105206026/160_3_gum_5.pdf (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
2. Bondar' LD. Linguistic Expeditions of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences in Siberia in the XVIII–XIX centuries: contributions to the development of domestic linguistics in the field of languages of Siberian peoples. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo akademicheskogo universiteta* = Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo akademicheskogo universiteta. 2016;1:23–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25900889> (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
3. Voloshina OA. «The comparative dictionary of all languages» by Peter Simon Pallas. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2012;6:354–361. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=5357> (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
4. Zagrebin AE. Finno-Ugric ethnographic research in Russia: (XVIII – first half of the XIX century). Izhevsk; 2006. (In Russ.)
5. Kazanskiene VP. Baltic language data in the dictionary of Peter Simon Pallas. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XVII: materialy chtenii, posviashch. pamiati prof. Iosifa Moiseevicha Tronskogo* = Indo-European linguistics and classical philology – XVII. Proceedings of the 17th conference in memory of professor Jo-

- seph M. Tronsky. Saint-Petersburg; 2013:368–383. (In Russ.)
6. Kaminskaia NL. Albanian material in the “Dictionary” by Peter Simon Pallas: features of the transfer of phonetics. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniĭ* = *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;3:83–91. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_3.pdf (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
 7. Klubkova TV. The first Russian linguistic questionnaire. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN* = *Oriental Studies*. 2016;9:1:181–188. (In Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-181-188.
 8. Kravets TV. Contribution of German travelers to the study of indigenous minority languages of Siberia and the Far East. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika* = *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2021;18:1:53–62. (In Russ.). DOI: 10.14529/ling210109.
 9. Mishchenkova KO. Reflections of the Proto-Evenki *s in the Evenki dialects in the second half of the 18th century. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2020;2:31–57. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-37-2-31-57.
 10. Nagurnaya SV. Karelian writing. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = *The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk; 2019:65–77. (In Russ.)
 11. Novak IP, Nagurnaya SV. Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky. *Finno-ugorskii mir* = *Finno-Ugric World*. 2022;14:1:20–32. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
 12. Novak I, Penttonen M, Ruuskanen A, Siilin L. Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk; 2019. (In Russ.)
 13. Normanskaja JuV. Dictionaries of Perm Mansi “native speakers of Siberia”, collected by P. S. Pallas in the 18th century. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2020;3:71–80. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-71-80.
 14. Normanskaja JuV, Kosheliuk NA. The unpublished mansi dictionary of P. S. Pallas – an earlier unknown Mansi dialect? *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2020;1:92–100. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
 15. Saveleva N, Mullonen I, Fedyuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668. *Linguistica Uralica*. 2021;57;4:250–276. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
 16. Bochnakowa A. *Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta (...)*, 1787–1789. *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. 2013;130:41–50. DOI: 10.4467/20834624SL.13.002.1133.
 17. Bradley J, Skribnik E. The many writing systems of Mansi: challenges in transcription and transliteration. *Multilingual Facilitation*. Helsinki; 2021:12–24.
 18. Kallio K, Grunthal R, Saressalo L, eds. *Inkerikot, setot ja vatjalaiset. Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet*. Helsinki; 2021. DOI: 10.21435/skst.1467.
 19. Ivanickaja A. XVIII a. kuršininkų kalbos žodžių rankraštinių registras. *Res Humanitariae*. 2017;21:12–42. DOI: 10.15181/rh.v21i0.1521.
 20. Maticsák S. Die mordwinische Sammlung aus der Orenburg-Expedition von Pallas (1768–1774). *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2021;45:53–86. URL: <https://buske-elibrary.de/media/upload/leseprobe/9783967691726.pdf> (accessed 12.07.2022).
 21. Maticsák S. The first period of mordvin lexicography: 17–18th century glossaries and dictionaries. *Linguistica Uralica*. 2013;49;4:292–305. DOI: 10.3176/lu.2013.4.03.
 22. Ó Fionnáin M. Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas’s Сравнительные Словари. *Anglica*. 2020;29;3:113–123. URL: <https://anglica-journal.com/resources/html/article/details?id=207771> (accessed 12.07.2022).
 23. Ó Fionnáin M. The celtic languages in the Сравнительные словари (1787–1789): an introduction. *Roczniki Humanistyczne*. 2021;69;11:171–187. URL: <https://ojs.tnkul.pl/index.php/rh/article/view/16369/15638> (accessed 12.07.2022).
 24. Salminen T. M. A. Castrén ja hantit. *Yomas symyn nékve vortur etpost samyn patum: Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg*. Tampere; 2020:284–296. DOI: 10.33341/sus.11.22.
 25. Stala E. Los diccionarios de P. S. Pallas y Ph. A. Nemnich. Hallazgos y enigmas. *Studia iberystyczne*. 2017;16:169–181. DOI: 10.12797/si.16.2017.16.10.

Submitted 14.07.2022; reviewing 15.08.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. P. Novak – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, bel.irina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

S. V. Nagurnaya – Candidate Sc. {Philology}, Academic Secretary, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, kov@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-8045>